

VI Международная Богословская конференция
Русской Православной Церкви

Жизнь во Христе: христианская нравственность,
аскетическое предание Церкви и вызовы современной эпохи

Н.Г. Головнина

(ПСТГУ)

КРУГ ЦЕРКОВНЫХ ПРОБЛЕМ И ПОИСК ИХ РЕШЕНИЯ В НИЖНЕМ ЕГИПТЕ В IV-V ВВ. (ПО СОЧИНЕНИЯМ ШЕНУТЕ (348-466ГГ.))

Проблематика конференции, без всякого сомнения, предполагает обращение к святоотеческой литературе с целью ее освоения и усвоения. Странными в этом случае кажутся и выбранный для доклада автор и поведение его паствы. Во-первых, именно его личность стала, без преувеличения, символом Коптской, отпавшей от полноты православия, церкви, хотя дошедшие до нас тексты самого апы Шенуте и не дают неопровержимых оснований причислять его к монофизитам. Во-вторых, источником красок для портрета христиан Верхнего Египта стали проповеди и послания, которые отличает строгость в оценке поступков, вызванная пастырской заботой, и живая наглядность (скорее, неприглядность) образов, подтверждающая недюжинное литературное мастерство их автора, а это значит, что зрелище получилось, может, и поучительное, но не в качестве примера для подражания. Но, как не удивительно, слушая увещания и угрозы Шенуте, легко забыть, что перед тобой писатель, долгая жизнь которого протекала в IV-V вв., настолько актуально и современно они звучат, а черты адресатов его филиппик странно схожи с нашими собственными.

Но можно привести важные причины и даже преимущества предпринятой попытки очертить круг проблем стоящих перед этим церковным лидером и проанализировать способы их решения. Белый монастырь, настоятелем которого был Шенуте, находился на западном берегу Нила, как раз напротив важнейшего центра культурной и церковной жизни Египта – Панополиса, само местоположение ставило перед необходимостью четко выражать свою позицию по множеству вопросов. Переломным было и время, на которое приходится его деятельность. Церковь получает правительственную поддержку, что, с одной стороны, способствует утверждению ее первенствующего положения, а с другой, ставит перед ней прежде не существовавшие проблемы. Продвижение по государственной лестнице облегчается принятием христианства, даже церковные посты многими начинают восприниматься как возможность удачной карьеры. Большинство не видит нужды в четком религиозном выборе и необходимости сознательного следования ему, но прибегает к помощи и язычества, и христианства в житейских тяготах и болезнях, и пренебрегает учением и нравственными парадигмами и того, и другого. Все это делает необходимым для Церкви определить отношение к язычникам и иудеям с новых, уже привилегированных позиций, и вести большую просветительскую работу.

Грандиозный размах деятельности Шенуте послужил основанием для тесного общения с людьми самого разного социального положения, религиозных убеждений, нравственных и интеллектуальных качеств. Мы оставим за рамками доклада

деятельность Шенуте внутри его монастырей, поскольку эта тема заслуживает отдельного рассмотрения, а сосредоточимся только на внешних связях и посетителях. Будет удобным выделить отдельные группы и круг вопросов, с ними связанный. Это, во-первых, служители Церкви от певчих до епископов, во-вторых, люди, занимающие важные государственные должности, и, в-третьих, жители округа, приходящие за советом и помощью. Источниками сюжетов послужили сочинения самого Шенуте: проповеди, беседы и послания, а также Житие, составленное его учеником Бесой.

Дискуссионным стал в науке вопрос об отношении Шенуте к церковной иерархии, наглядным примером которого служила история из Жития о том, как епископ города Шмина (Панополис) по дороге в Александрию захотел увидеть его и послал за ним. Но в это время настоятель Белого монастыря беседует с Самим Иисусом Христом и отказывается прийти. После третьего отказа владыка пригрозил: «Если ты не придешь, ты отлучен!» Но Шенуте готов остаться на месте, чтобы не оказаться почитаемым больше человека из плоти и крови, а не Того, Кто сотворил небо и землю. Но тут сказал Сам Спаситель: «О Шенуте, поднимись и ступай к епископу, чтобы он не отлучил тебя, иначе Я не допущу тебя в Царство Небесное из-за завета, который Я установил с Петром: «То, что ты свяжешь на земле, будет связано на небесах, и то, что ты разрешишь на земле, будет разрешено на небесах» (Мф 16.19). Только после этих слов коптский подвижник отправился к призывавшему его епископу, приветствовал его, беседовал с ним, и они расстались в мире (Ж 70-72).

Отказ Шенуте явиться на встречу с епископом вызвал обсуждение, и ученые предлагали разные объяснения этому факту. Самое простое из них звучит так: автору Жития Бесе просто надо было рассказать еще об одной встрече и беседе его духовного отца с Сыном Божиим, которая и составляет главное содержание этого эпизода — но оно и самое неубедительное. Невозможно предположить, чтобы Беса, который через некоторое время после смерти Шенуте сам занял место настоятеля монастыря, а значит, с необходимостью должен был не только решить для себя вопрос отношений с церковной иерархией на теоретическом уровне, но и непосредственно вступить в контакт со священноначалием, не понимал, что предложенные им обстоятельства и завершение описываемой встречи не безразличны для трактовки этих отношений, а значит, не могут служить только нейтральным фоном для основного события.

Другое решение проблемы предполагает, что Беса хотел подчеркнуть независимость и неподотчетность монашеских общин церковным властям. Но этому противоречат события жизни самого Шенуте. Известны его тесные контакты с Александрийскими патриархами и его активное участие в той церковной политике, которую они проводили. Даже тот факт, что епископ нашего повествования перед своим прибытием к Кириллу Александрийскому хотел встретиться с подвижником, пользующимся большим духовным авторитетом, может свидетельствовать о привычности таких бесед для обсуждения положения дел и при необходимости найти общее и приемлемое решение новых задач. Не может служить подтверждением предложенного объяснения даже отказ Шенуте от епископской хиротонии, о котором он сам рассказывает. В это время еще была сильна традиция первых отшельников избегать рукоположения даже в священнический сан, и поэтому поведение подвижника не только не вызывает нареканий со стороны Кирилла Александрийского, а напротив, признается, что его равнодушие к приобретению внешних знаков власти только подчеркивает его готовность к деятельности на церковном поприще: «Я послал за ним для посвящения в епископы, а он не пришел. Когда же я написал ему явиться на собор (Эфесский), он, отложив все свои попечения, ждал нас в этом городе, опередив других епископов» (L III 35).

Наконец, считают достаточным просто отослать к импульсивности характера и своеволию Шенуте. Нужно признать, что эти черты его характера обычно преувеличивают и обращением к ним иногда злоупотребляют, кроме того, вряд ли они могли бы стать объектом изображения в Житии, следовательно, это скорее попытка избежать объяснения, чем само объяснение.

Отметим, что специфика жанра жития и необходимые оговорки в работе с такими текстами при реконструкции исторической действительности и идей, которые в них отражены до сих пор не были учтены при толковании этого эпизода. Участие Спасителя здесь является определяющим не как еще одно доказательство духоности Шенуте, а как неопровержимое подтверждение евангельская цитата, произнесенная Самим Христом – обязанности для членов Церкви подчинения богоустановленной иерархии, даже если они, как Шенуте, беседуют с Ним Самим лицом к лицу. При таком понимании, Шенуте несмотря на свой троекратный отказ придти на зов епископа оказывается свободен от упреков в своеволии и непочтении: ради человека он не хотел и не мог оставить Бога, но повелению Божьему он готов следовать без рассуждения. Кроме того, только в этом случае беспрекословное подчинение не может стать человекоугодием, но остается следованием Божьей воле, что и необходимо показать автору.

Важно, что такое прочтение не вносит никаких противоречий в то, что известно о характере и поступках Шенуте не только из Жития, но также из его собственных сочинений. Даже его строгое отношение к достоинствам и целям претендентов на епископский сан и обличения в их адрес: «Все мы с пламенным рвением гонимся за величием и почетными должностями, в том числе епископскими и священническими, а поступками пренебрегаем... Мы возлагаем упование на звания, а не на дела, и даже не задумываемся, что если вера... без дел бесполезна и мертва, то насколько мертво звание, если ему не сопутствуют дела воистину праведные и чистые» (L III. 34,6 17), доказывает скорее понимание высоты и важности этого служения, чем пренебрежение к нему и желание сохранить самостоятельность и независимость.

Не зная снисхождения и не соглашаясь ни на какие компромиссы в вопросах принципиальных, Шенуте являет удивительное снисхождение к промахам, если они свидетельствуют о старании виновника и не могут привести к нежелательным последствиям. Например, певчий из чужого монастыря получил благословение петь в церкви, но, не зная чина службы, не закончил вовремя. На недоумение присутствующих, не пора ли умерить излишнее рвение этого человека, апа Шенуте ответил: «Что вам до него? Пусть поет, вот хор ангельский окружает его, вторя ему, и вот пророк Давид стоит сбоку от него, подсказывая слова» (Ж 93).

Но хуже всего тем, к чьим проступкам Шенуте проявляет безразличие и не препятствует им. Это значит, что он не видит способов к их исправлению. Например, после праздничной службы в монастыре подошла к Шенуте группа клириков и певчих и попросила у него вина. Он им дал. Они подходили с этой просьбой еще несколько раз и не получали отказа. Окружающие изумились, неужели он будет давать им, пока они просят. Шенуте подтвердил их опасения, но объяснение было безрадостным: «Да, но они не будут пить после этой жизни, потому что нет у них надежды в другом веке» (Ж 87).

Среди адресатов и собеседников Шенуте много лиц, занимающих важные государственные должности и военачальников. Были среди них такие, чьему приходу Шенуте был рад и вел с ними долгие беседы, разрешая их недоумения и вопросы. Были и такие, кто приходил не спрашивать, а провоцировать, например, утверждая невозможность воскресения плоти. Прибытие и поведение некоторых гостей становилось не столько почетом, сколько бедствием для насельников. Например, однажды в монастырь за благословением на военный поход явился один

дук. Но в это время братия не могла сообщить о нем Шенуте, поскольку тот ушел на неделю в молитвенное уединение и не разрешил никому приходить к нему. Дук, не долго думая, решил жить и благоденствовать за счет обители, пока не увидит подвижника. Уже через три дня его пребывания монахи решились нарушить слова своего настоятеля, поскольку стало им «очень плохо». Шенуте, хотя и упрекнул их, благословение все-таки дал и поход оказался успешным (Ж 103 107).

В это время оставались и сторонники языческой религии. Многие из них не скрывали своей неприязни к Шенуте даже за формами внешней вежливости. Так один дук приветствует его словами: «Я удивлен твоему благополучию!» позже Шенуте разовьет эту тему, сравнивая христиан с язычниками в одной из своих проповедей, главным лейтмотивом которой будет: «Как не быть счастливым тому, у кого есть Иисус, а не идола». Но не меняли своей веры чаще всего богатые землевладельцы. Не нуждаясь в получении государственных постов, они могли безболезненно для себя сохранять независимость. Со многими из них у Шенуте вспыхивали острые конфликты, но, как правило, они были связаны с проблемами тяжелых условий жизни населения, которое воспринимало Шенуте как своего покровителя и искало у него помощи и защиты от притеснений.

Самую опасной группой, с точки зрения Шенуте, были те сановники, которые, номинально приняв христианство для достижения постов, хранили верность языческой религии. К ним он не знал снисхождения, не удостаивал их благословения и открыто обличал (Ж 80).

Самой яркой историей отношений Шенуте с такими криптоязычниками, которая неоднократно привлекала внимание ученых, остается его противостояние с человеком по имени Гесий. Отношение Шенуте к нему настолько характерно, что не приходится сомневаться, кого он клеймит в своих проповедях, даже если без упоминания имени он просто называет его «врагом из Панополиса». Развитие конфликта требует реконструкции, поскольку он не излагается от начала до конца в одном месте, но эпизоды, связанные с ним, разбросаны и в сочинениях самого Шенуте, и в его Житии. Важным является вопрос об идентификации личности Гесия. Это имя встречается в документах той эпохи (его греческая форма Гессий). Во-первых известны два адресата знаменитого ритора Либания: Гессий Антиохийский и Гессий Египетский. Во-вторых, у поэта Паллада, жившего в Александрии есть восемь эпиграмм о неудачной попытке некоего Гессия прибегнуть к гаданиям в ожидании предсказания о достижении им императорского трона, которая, увы, закончилась казнью самого вопрошающего. Наконец, известно, имя одного правителя Фив (ок. 376-380) – Флавий Элий Гессий. Предпринималось несколько попыток соотнести эти имена между собой и понять, сколько человек может за ними стоять. Одна из них привела к гипотезе, что наш Гесий – это правитель Фив, а всем остальным он только тезка. Такое решение помогает реконструировать события и прояснить их причины.

Гесий был богатым землевладельцем из Панополиса. Он не был совершенно безразличен в вопросах веры, но его взгляды позволяли хранить настоящие убеждения в тайне, а внешне соблюдать то, что принято и не приносит осложнений. Его карьера складывалась удачно, особенно если предположить, что ее начало приходилось на годы правления Юлиана Отступника. Карьерные амбиции побудили его публично отказаться от «увлечения юности» и стать христианином. Но в то же самое время в своем доме он хранил предметы, необходимые для языческих обрядов, и не собирался отказываться от совершения их. Может быть, все прошло бы незаметно, если бы другом берегу Нила, как раз напротив его поместья не жил Шенуте.

Сомневаясь в искренности обращения, Шенуте предпринимает первый тайный рейд в дом Гесия, находит в нем идолов и обличает его в лицемерии. Через некоторое время Гесий по неизвестным нам причинам сам зовет Шенуте к себе, чтобы он убедился в его невиновности. Шенуте не заставляет себя долго ждать, улик не находит, но и Гесия в покое не оставляет: «Если я удалю идолов из твоего дома, разве я смогу спрятать солнце, луну и звезды на небе, которым ты поклоняешься? Разве обнесу оградой место захода, чтобы ты не молился на запад, или буду караулить у Нила и у каналов, чтобы ты не совершал возлияния Кроносу?» (L III.81,27 29—82,1 4) Даже с очевидностью понимая, безнадежность попыток обратить силой, Шенуте предпринимает еще один тайный поход в дом Гесия, снова находит доказательства приверженности хозяина к языческому культу и уничтожает их, разбивая идолов, разрывая книги и опрокидывая на порог приготовленные возлияния для богов. Чем закончился этот затяжной конфликт остается неизвестным, но если карьере Гесия и не был положен конец, то значительные затруднения были, очевидно, созданы. Шенуте пережил своего недруга и, как сообщает Беса, видел его в преисподней с языком привязанным к большому пальцу ноги и в безжалостных мучениях за его нечестие (Ж 88).

За такие рейды и разрушение языческих храмов Шенуте неоднократно пытались привлечь к ответу. Всякий раз дело заминали, но по разным причинам. Иногда правитель, перед которым приносили обвинения, оказывался христианином и не хотел рассматривать их, а однажды не помогли даже надежды на судью-язычника, поскольку жители города, в котором должен был происходить суд, были в основном христианами, они устроили шумную демонстрацию, и от приговора с наказанием снова пришлось отказаться.

Хотя в некоторых случаях действия Шенуте напоминают просто разбой, нужно заметить, что он, без всякого сомнения, был знаком с постановлениями Феодосия о разрушении языческих храмов (Cod. Theod. 16.10.16) и считал свои поступки совершенно законными. Кроме того, они наверняка были соотнесены не только с политикой имперского масштаба, но и с событиями собственно в Александрии, связанными с волнениями и разрушением знаменитого Серапеума. Но такой решительный способ искоренения каких бы то ни было заблуждений сейчас вряд ли может быть приемлем.

Остается рассмотреть черты тех, кто составлял большинство паствы Шенуте. Это земледельцы, ремесленники, наемные рабочие, воины, купцы и др. Несмотря на то, что этот период, без всякого сомнения, был временем религиозного подъема, много сил требовалось церковным пастырям, чтобы изжить суеверия и предрассудки, убедить, что нравственные нормы христианства обязательны для исполнения, и, наоборот, предостеречь от излишней ревности или бездумной доверчивости.

Удивительными кажутся примеры того, как люди, только что совершившие воровство или даже убийство, почему-то хотят получить благословение у известного апы; как, желая принести что-нибудь в знаменитый монастырь, не только не отдают это даром, но в несколько раз завышают цену. Далекое не всегда даже явное чудо убеждает быть честным. Например, у одного купца украли деньги. Он пошел к Шенуте за помощью и тот помог ему вернуть деньги чудесным образом, и попросил во время торговой поездки в Александрию купить и привезти в монастырь первую вещь, которую он встретит, и обещает возместить ее стоимость. Первым встречается человек, который предлагает купить у него серебряную трапезу, которая, как позже выясняется, была украдена им из монастыря Шенуте. Даже встретив его еще три раза, он не приобретает этой дорогой вещи, поскольку, с одной стороны, не считает невозможным принять от Шенуте деньги, а с другой, не хочет входить в крупные расходы. Один из его спутников купил эту трапезу за четыре

олокоттина со словами, что он хочет привезти ее в монастырь святого человека апы Шенуте. Но, как оказывается, не для пожертвования, а в надежде подзаработать на своем поступке. Он предлагает ее Шенуте за восемь олокоттинов. Праведник назвав ее настоящую цену и обличив тем самым незадачливого продавца в обмане, все-таки согласен дать ему пять олокоттинов. Но пристыженный корабельщик не хочет брать ничего кроме благословения. Дальше события развиваются так: торговец теряет деньги и без всяких угрызений совести вновь идет к апе Шенуте за помощью, но на этот раз получает только назидание о неверности богатства и уверение, что его деньги получил тот, кому Бог захотел их отдать. Этим человеком оказался корабельщик, отдавший Шенуте серебряную трапезу (Ж 42-52).

Пагубность безразличия к своему нравственному облику у христиан было важной темой проповедей. Шенуте удивляется, почему христиане, во время варварских набегов прося Бога не предавать их в руки врагов, без колебаний сами себя предают всякому нечестию. Все возносят плач во время внешних бедствий, одни восклицая: «Увы, увы!» другие: «О, мои дети!» или: «О, мои родители и мои братья!» Но где же тот отец, или та мать или, тот брат, который плачет, что его дочь предается распутству, а сын или брат нечестию? Лишь немногие, кто воистину печалится о грехах своих детей и братьев, достойны всякого почета» (L III.67,10 22). Шенуте не может согласиться с тем, что земное благополучие может служить причиной забвения заповедей Божьих: «Нет радости нечестивым... Нет радости где? В грядущем или в этом веке? Какой нечестивец не радуется в этом веке?...Если бы я не знал, что есть отцы, матери и братья, которые находятся в согласии и единодушии с тем, кто прелюбодействует с их дочерьми и сестрами, я бы не говорил... отец не только терпит того, кто прелюбодействует с их дочерью, но чрезвычайно любит его, он ему и сотрапезник, и собутыльник, и расхаживает по его дому, как сын и брат...» (L III.75,13 20—76,1 14).

Кроме нравственной распущенности Шенуте ополчается против суеверия и готовности прибегнуть к любым средствам, лишь бы не терпеть тягот и лишений: «Во время тяжелых обстоятельств, когда впадают в бедность, болезни или еще какие-нибудь искушения, они оставляют Бога и бегут к гадателям в прорицалища или находят другие ложные способы. Так я видел, что голова змеи привязана к рукам одних, а у других зубы крокодила вокруг запястья, а у третьих когти лисы вокруг ног. Посмотрите на этих безумцев! Лисьи когти, змеиные головы, крокодильи зубы и множество других побрякушек, как уверяют они, принесут выздоровление, и многие попадают на этом. Некоторые же натираются маслом или обливаются водой, взятыми у целителей и шарлатанов, но не получив даже временного облегчения, начинают обливаться водой и мазаться маслом, взятыми в церкви у священников или монахов» Но что еще больше возмущает Шенуте, так это то, что даже люди, которых почитают за праведную жизнь дают подобные советы и даже люди неглупые попадают на такой, может, и не всегда ложный, авторитет: «Один высокопоставленный человек, которого считают мудрым, на мой вопрос: “Неужели когти лисы принесут тебе исцеление?” ответил, “Один великий подвижник дал их мне, велел привязать и обещал облегчение”» (Contra origenistas).

Многое осталось за пределами этого доклада. Есть в сочинениях Шенуте примеры и высокопоставленных сановников, которые могут служить примером для подражания даже монахам; и преступников, которые предпочли смертную казнь нераскаянной жизни или нашли душевный покой на пути покаяния; и простецов, чьи подвиги вызывали только ропот и непонимание окружающих, пока не бывали чудесным образом открыты; и людей, чья благодарность и Богу, и благодетелям была искренней и действенной, одним словом, все, что раскрывает красоту человека, сознательно принявшего Христа и соблюдающего Его заповеди. Так уж

ЖИЗНЬ ВО ХРИСТЕ: VI Международная Богословская конференция РПЦ

случилось, что тематикой стали только явления, которые необходимо преодолевать в себе независимо от того, в каком веке и при каких обстоятельствах ты живешь.